

ОБРАЩЕНИЕ

Кужагалиева Алмаза Урынбасаровича
к журналистам Республики Казахстан

Уважаемые Журналисты Казахстана,

7 декабря 2016 года на НПЗ ТОО «Актобе Нефтепереработка» прошла спецоперация КНБ по борьбе с «масштабными хищениями нефти организованными преступными группами». Однако ни в ходе спецоперации, ни по истечении 4 лет досудебного и судебного следствия не обнаружено ни одной тонны похищенной нефти, ни какие-либо другие следы и свидетельства приемки такой нефти на НПЗ.

Спецоперация на НПЗ ТОО «Актобе нефтепереработка» была «привязана» следователями КНБ к ОПГ 4 брата из-за контактов Генерального Директора ТОО «Актобе Нефтепереработка» г-на Тасмагамбетова И.К. с лицом, именуемым силовиками лидером ОПГ «4 брата». Однако, имеющиеся в материалах дела показания г-на Тасмагамбетова И.К. показывают, что данные контакты никак не носили криминальный характер и были использованы следователями для информационного «фона».

Следствие никогда не скрывало, что в «правильном» исходе «дела» заинтересованы определенные силы в Астане.

Только давлением со стороны следователя КНБ, можно объяснить тот факт, что **13 декабря 2016 года** актюбинский следственный судья **Шмирова З.Г.** вынесла постановление о содержании под стражей партнера НПЗ – белорусского бизнесмена; на основании утверждения следователя, **что похищенная нефть под видом смеси нефтепродуктов марки «Oil Blend» транспортировалась железнодорожными вагонами от ТОО «Интеройл Экспорт» в республику Кыргызстан.** Хотя самая первая экспертиза этих самых вагонов в Институте Судебной экспертизы по ЮКО началась 17 декабря и была завершена только **26 декабря 2016 года.**

До настоящего момента - ноября 2020 года не установлен ни один исполнитель, или хотя бы один свидетель как приемки якобы похищенной нефти, так и налива в вагоны сырой нефти.

Только давлением со стороны следователя КНБ можно объяснить то, что Прокуроры боятся осознанно прочитать обвинительный акт, на основании которого меня судят. Так на странице 2 обвинительного акта следователем утверждается **«наличие законодательного запрета на вывоз нефти из Республики Казахстан»**, а на странице 4 он просит **«учесть невозможность легальным путем приобрести и продавать нефть за пределы Республики Казахстан».** Наверное, Прокурор, постоянно проживающий в стране, которая из 90 миллионов добытых тонн нефти экспортирует более 72 миллионов тонн, не допустил бы такой обвинительный акт до суда. Если бы прочитал его. Если бы Прокурор прочитал хотя бы первые 4 страницы обвинительного акта, тогда он бы увидел на четвертой странице, что **«крупные нефтедобывающие компании самостоятельно**

продают нефть на экспорт в пределах контрактных обязательств». В этом случае прокурор, наверное, вернул бы обвинительный акт следователям, чтобы те **определились: «Есть в стране законодательный запрет на вывоз нефти или нет?»**

В деле «7 декабря 2016 года» неприкрытому давлению следователей КНБ подвергаются все участники процесса: обвинение, потерпевшие, эксперты, прокуроры, судьи. Ярким примером этого явилось заявление «**потерпевшего**» (представителя КТЖ) в ходе суда в г. Актобе – однако в отношении следователей не было даже вынесено безобидного частного определения. Кстати, подвергся он такому давлению, когда высказался, что после изучения материалов дела сомневается в моей виновности.

Следователи КНБ, добиваясь от экспертов нужных выводов, не задумываются, что своими действиями они дискредитируют Казахстанскую науку на международном уровне. Так, «ученый» одного из Атырауских НИИ обнаружил **биомаркеры нефти** в одном вагоне, но не обнаружил их в трех других вагонах, хотя физико – химические свойства жидкости во всех четырех вагонах идентичны, и следователи утверждают, что это нефть. Это «**открытие**», опровергающее теорию об органическом происхождении нефти на Земле, на какое-то время принесло этому НИИ из Атырау мировую славу, но в итоге уронило авторитет Казахстанской науки как внутри, так и за пределами страны.

Только исключительное давление со стороны следователей КНБ могло заставить судью **Сабырова**, в вынесенном им приговоре, **конфисковать собственность свидетелей** - три дорогостоящих смартфона Iphone, которые были изъяты следователями. Еще раз – имущество не подсудимых, а свидетелей (!). Такое не допускается законами Казахстана и полагаю, что впервые произошло в судебной практике Казахстана.

10 декабря 2019 года, Верховный Суд Республики Казахстан, отменил в полном объеме приговор по делу, которое вело КНБ. Утверждение одного из моих следователей, что у КНБ осечек не бывает и что у него через суд пройдет даже обвинение в поджоге Каспийского моря, было опровергнуто Верховным Судом. Наверное, отмена абсурдного приговора не случилась бы, если бы в стране не произошли перемены.

Отменив приговор в полном объеме 10 декабря 2019 года, Верховный Суд РК не предполагал, что я еще 7 месяцев буду отбывать наказание в колонии строго режима в п. Заречный. 25 мая 2020 года начальник Учреждения ЛА-155/12 писал Алматинскому городскому суду, который рассматривает дело после отмены в Верховном Суде, что направляет ходатайство **осужденного Кужагалиева А.У., отбывающего наказание в виде лишения свободы на срок 19 лет.**

Присутствие гражданина без приговора в колонии строго режима в течение 7 месяцев не заметил ни один прокурор, ни одна из многочисленных комиссий. На мои вопросы, почему я до сих пор в колонии строго режима представители администрации давали понять, что они ничего сделать не могут, т.к. мое дело «под контролем»

Все эти факты говорят, что в правоохранительной и судебной системах Казахстана сложилась ситуация, когда следователь КНБ стал выше законов РК. В своем Постановлении об отмене абсурдного приговора Верховный суд отметил односторонний и обвинительный характер суда в Актобе. Но даже Верховный суд, на нескольких страницах

перечислив многочисленные нарушения, не вынес ни одного частного определения, в том числе по самым вопиющим фактам: факту давления на «потерпевшего» следователями, факту продажи главного вещественного доказательства до суда, факту конфискации собственности свидетелей.

Новый, четвертый по счету суд в Алматы, еще не начавшись, показал, что судьи находятся под контролем следователей – этот жесткий контроль не позволяет им увидеть очевидного – грубого противоречия результатов экспертиз законам физики и химии, фальсификации образцов, отсутствия исполнителей и мотивов преступления. Суд в течение всего процесса не затрудняет себя поиском умысла преступления.

Я и мои адвокаты понимаем, что алматинские судьи приняли сторону обвинения. Для оправдательного приговора на основе имеющихся фактических материалов дела достаточно было бы одного заседания.

Но эти судьи, по закону РК, обязаны устранить хотя бы те противоречия, которые указал в своем постановлении Верховный суд РК. Ход суда в Алматы показал, что судья Яковлева может очень «изобретательно» подходить к устранению противоречий - заменив указанную Верховным Судом **дополнительную «экспертизу нефтепродуктов с учетом вопросов защиты»** на «**экспертизу экспертизы**», поручив эксперту ИСЭ по ЮКО сделать экспертизу ее же собственной экспертизы, сделанной в 2016 году. Наверное, все догадываются, как «эксперт» оценит собственную экспертизу.

Уважаемые журналисты Казахстана, происходящее в Алматинском городском суде, заставляет меня обратиться к Вам с просьбой провести **общественный суд** по «делу 7 декабря 2016 года», на страницах Ваших изданий интернет – пространства Казахстана.

Цель такого общественного суда - не только помочь алматинским судьям увидеть очевидные факты, но и вскрыть причины, по которым «дело 7 декабря 2016 года» стало возможным в Казахстане, и, соответственно, выработать рекомендации гражданского общества по реформе правоохранительной и судебной системы, которые должны быть направлены Ерлану Кошанову в Высший президентский совет по реформам.

Со сменой руководства страны очень многое стало возможно на страницах Казахстанских СМИ, в том числе критика Президента Токаева К.К., но тема эффективности и законности методов работы КНБ по-прежнему закрыта. Поэтому я понимаю, что создание общественного суда по делу «**7 декабря 2016 года**» потребует от Вас осознанного патриотизма и гражданского мужества.

Поскольку, в реальном Алматинском городском суде подсудимые лишены права задавать вопросы прокурору и суду – нам отказали даже в разъяснении сути обвинения, общественный суд должен будет задать экспертам, специалистам, обвиняемым, прокурору и государственным органам вопросы, которые суд в Алматы «не слышит», считает «некорректными или не имеющими отношение к делу».

Состав общественного суда Вы или Ваши читатели - граждане Казахстана должны определить самостоятельно. Мне представляется, что это должны быть

представители 12 казахстанских изданий разного рода – бумажных и электронных, русско – и казахско –язычных, лояльных и оппозиционных, в т.ч. «КазПравды» и «ДАТ».

«Дело 7 декабря 2016 года» - это дело о якобы «незаконном вывозе нефти из Республики Казахстан». Поэтому **общественному суду** в первую очередь необходимо будет определить, что такое «нефть» по законам РК и существует ли в Казахстане «законодательный запрет на вывоз нефти».

Первые три вопроса должны быть заданы Спикеру Мажилиса Парламента РК Нигматулину Н. и председателю Сената Ашимбаеву М.:

1. Существует ли в Республике Казахстан Закон, дающий определение «сырая нефть» или «нефть»?
2. Если такой Закон существует, то приведите определение нефти по этому закону?
3. Может ли утверждение следователя, мнение прокурора или письмо заместителя Министра быть выше определения, данного законом РК?

Следующие три вопроса должны быть заданы Премьер – Министру Республики Казахстан Мамину А.:

1. Существует ли в Республике Казахстан законодательный запрет на вывоз нефти?
2. Возможно ли легальным путем приобрести и продавать нефть за пределы Республики Казахстан?
3. Если невозможно, то каким образом из добытых в РК в 2019 году 90 миллионов тонн нефти экспортировались за рубеж около 72 миллионов тонн?

Возможно, что получив ответы на поставленные вопросы, **общественный суд** придет к выводу, что «дело 7 декабря 2016 года» надо закрыть. Но этого делать нельзя - в ходе подготовки спецоперации КНБ 7 декабря 2016 года и в ходе досудебного и судебного следствия было совершено несколько преступлений. Характер этих преступлений, масштабное использование государственных ресурсов при их осуществлении, беспомощность органов Прокуратуры и Правосудия говорят о потенциальной опасности, нависшей над каждым Гражданином РК.

Разобраться в причинах, почему Закон РК, прокуратура и Суд бессильны перед преступником в форме спецслужбы нужно не ради меня (никто не сможет вернуть мне годы, проведенные в изоляции) не ради моей семьи (мои дети уже никогда не вернуться в Казахстан), но ради будущего Ваших детей. Любой из Вас может оказаться в ситуации, когда кто-либо из совладельцев вашего издания (СМИ) решит баллотироваться в Парламент РК или на Высший пост в стране – и тогда не исключена спецоперация уже в Вашей редакции.

Так как в деле **7 декабря 2016 года** не установлено ни одного исполнителя вменяемого преступления, и не нашлось даже одного свидетеля, который хотя бы слышал о приемке на НПЗ похищенной нефти или о наливке в вагоны сырой нефти, обвинение строится на «заклЮчениях экспертов».

Фактические материалы «дела 7 декабря 2016 года» показывают, что почти все образцы, представленные экспертам, были **фальсифицированы**. Выводы экспертов, противоречащие действующим в условиях планеты Земля законам физики, химии и математики, говорят о сильнейшем давлении на экспертов.

Так, 22 декабря 2016 года, из резервуаров НПЗ следователями были отобраны образцы жидкостей. Согласно «**Протокола об отборе образцов**» жидкости в резервуарах НПЗ имели очень разные плотности:

РВС №10 – 0,840 кг/л при $t^{\circ} - 5^{\circ} C$

РВС №14 – 0,817 кг/л при $t^{\circ} + 45^{\circ} C$

РВС №16 – 0,855 кг/л при $t^{\circ} - 4^{\circ} C$

17 января 2017 года Центральный институт судебной экспертизы в г. Астана выдал заключение № 67, согласно которому вышеуказанные образцы имеют не только одинаковую плотность с точностью до 3 знака – 0,836 кг/л $t^{\circ} + 20^{\circ} C$, но и одинаковый фракционный состав с точкой начала кипения ниже **$+30^{\circ} C$** .

Казахстанский суд не может принять заключения ученых России, США и Великобритании, поэтому **общественный суд** должен получить ответы казахстанских ученых, в первую очередь Назарбаев Университета, НТУ им. Сатпаева, КБТУ на следующие вопросы:

1. Могут ли жидкости, имеющие разные плотности в условиях г. Актобе иметь одинаковую плотность в г. Астане?
2. Могут ли в жидкости нефтяного происхождения, нагреваемой 8 дней до $+100^{\circ}$, ... $+120^{\circ} C$ и охлаждаемой до **$+45^{\circ} C$** при атмосферном давлении сохраниться фракции с температурой кипения **ниже $+30^{\circ} C$** . Охлажденная жидкость хранилась в резервуаре с дыхательным клапаном.
3. В каком диапазоне может быть **температура начала кипения жидкости**, 8 суток нагреваемой до $+100^{\circ} C$, $+120^{\circ} C$ и охлаждаемой до **$+45^{\circ} C$** при атмосферном давлении.
4. Какая **температура начала кипения** жидкости, нагреваемой 8 суток при атмосферном давлении до $+100^{\circ} C$, ... $+120^{\circ} C$ и охлаждаемой до $+45^{\circ} C$, противоречит законам физики, действующим в условиях планеты Земля:

А) **ниже $+30^{\circ} C$** – установленная Центральным Институтом судебной экспертизы

Б) **$+108^{\circ} C$** – записанная в журнале лаборатории НПЗ «Актобе Нефтепереработка»

Заключение другого эксперта поставило под сомнение, господствующую в научном мире, гипотезу об **органическом происхождении нефти на Земле**.

Согласно самому обвинению, жидкость в задержанных следствием 4 ж.д. цистернах якобы является «нефтью». Согласно многочисленным анализам, сделанным самим же следствием, жидкость во всех 4 вагонах имеет один и тот же фракционный состав, где превалирует остаточная (мазутовая) фракция. Согласно всем материалам

дела, эти 4 цистерны были налиты одновременно из одного резервуара на НПЗ «Актобе Нефтепереработка», где отсутствуют вторичные процессы переработки нефти.

К 2016 году учеными всего мира было открыто более 800 биомаркеров в нефти. Считается, что **биомаркеры** составляют в среднем 40% массы нефти.

Однако эксперт, исследовав представление следствием образцы жидкости из 4 вагонов, обнаружил биомаркеры только в одном образце, указав их отсутствие в трех остальных образцах.

Биомаркеры – это соединения, сохранившие черты строения исходных биомолекул, из которых образовались нефтяные углеводороды.

Защита Кужагалиева получила ответы российских ученых, в т.ч. доктора наук автора учебника для Вузов «Геохимия нефти», что в нефтях биомаркеры отсутствовать не могут. Однако казахстанский суд не может принять заключение зарубежных ученых. В связи с этим общественный суд должен попытаться получить ответы Казахстанских ученых в первую очередь Назарбаев Университета, НТУ им. Сатпаева, КБТУ на следующие вопросы:

1. Возможно ли с научной точки зрения такое, что в 4 образцах нефтяной жидкости, имеющей одинаковый фракционный состав и налитых одновременно из одного резервуара, в одном присутствовали **биомаркеры**, а в трех **биомаркеры** отсутствовали?
2. О чем может говорить заключение эксперта об отсутствии **бимаркеров** в трех вагонах с нефтяной жидкостью:

- А) в этих трех вагонах находилось **неорганическое вещество**
- Б) нефтяная жидкость в этих трех вагонах имеет неземное происхождение
- В) антинаучное заключение указывает на давление, которому подвергся эксперт
- Г) образцы были **фальсифицированы**

За 4 года досудебного и судебного следствия ни следователь, ни прокурор, ни суд не удовлетворили ни одного ходатайства защиты Кужагалиева, о назначении независимой экспертизы с постановкой вопросов обвиняемого.

Более того, в основу обвинения положены **экспертиза Института судебной экспертизы по Южно-Казахстанской области**, недостоверность которой, то есть ее недопустимость в качестве доказательства документально зафиксирована материалами дела. Отсутствие в экспертном заключении методики исследования, отказ в ее предоставлении, это тоже признаки фальсификации!

Я нахожусь под стражей с 10 января 2017 года, то есть провел в тюрьме без вины около 4 лет. График проведения (точнее непроведения) судебных заседаний наводит на мысль о том, чтобы я сидел под стражей, до тех пор, пока в чем-то не признаюсь. Иначе, какой смысл держать меня здесь, если за все время я ни разу не предпринимал попыток

скрыться, или помешать следствию? Более того, сам приехал в Актобе, чтобы разобраться во всем – каждый день ходил к следователю для этого, пока меня не приняли и тут же задержали. При этом, не стесняясь, пишут в постановлениях о продлении содержания под стражей, которых уже больше десятка, что я могу скрыться.

Присутствие невиновного человека в тюрьме на протяжении почти 4 лет не заметил ни один прокурор, все как будто, так и должно быть. Этот печальный факт навел меня на мысль, что прокурорский надзор в нашей системе ничто иное, как фикция.

Длительное и необоснованное содержание меня под стражей препятствует полноценной подготовке к новому судебному рассмотрению дела и, кроме того, негативно сказывается на здоровье и общем состоянии. Я уверен, что нельзя держать человека без вины 4 года в тюрьме. Ничем иным, кроме как попыткой довести человека до деградации, унижить его, сломить волю, то, что происходит со мной и моей семьей, я назвать не могу.

В стране, где нет никаких гарантий личной безопасности, не говоря уже о гарантии собственности, где права человека попираются, и он, невиновный, годами может сидеть в тюрьме, где правоохранительные органы нередко допускают произвол, неминуема стагнация экономики и активности населения, вследствие чего неминуем отток населения. Именно поэтому люди уезжают из Казахстана – богатой и замечательной страны, Родины, которая одна.